

Глава 12.

**Безгласные плательщики: права и ответственность
при раскладке крестьянских налогов**

Говоря о крестьянской общине как своеобразном податном присутствии, надо учитывать важное отличие: в настоящем присутствии голосуют только представители плательщиков, а на общинном сходе принимают решение все плательщики. Так, во всяком случае, должно быть по закону. Удивительно, но на самом деле было иначе. Не все крестьяне, записанные в общественных приговорах в качестве плательщиков, имели право голоса на сходе.

Раскладочные приговоры: возможности источника

Известно, что власть в крестьянском мире принадлежала дворохозяевам, собирающимся на сход. Кто не доверяет учебнику, может проверить по «Своду законов»: «Сельский сход составляется из крестьян-домохозяев, принадлежащих к составу сельского общества» – устанавливало Общее положение о крестьянах (ст. 57 издания 1902 г.)²⁸⁵. Устройство общества, которое подразумевается этим фактом, можно назвать трёхъярусным: 1) голосующие дворохозяева; 2) зависимые от них работники (не отделившиеся взрослые дети и т.п.); 3) иждивенцы (дети и старики). Все они так или иначе работают, но «политические права» (голос на сходе) имеют лишь те, кто несёт экономическую ответственность.

Уточнение в это представление позволяют внести раскладочные приговоры с раскладочными перечнями. Раскладочный приговор сам по себе – это решение о том, на каких основаниях раскладывать налог. Притом от составителей приговора требовалось подтвердить, что налоги на самом деле разложены в соответствии с заявленным принципом (будь то по скоту, по запашке или по работникам). Для этого составлялись раскладочные перечни – поимённые списки, где для каждого плательщика указывалось число единиц обложения и сумма налога.

Архивы донесли до наших дней лишь малую часть раскладочных приговоров, ежегодно составлявшихся по всей стране десятками тысяч. Не все из сохранившихся сопровождаются раскладочными перечнями. Не все сохранившиеся перечни достаточно подробны, чтобы можно было судить о структуре деревни, отличать простых работников от домохозяев. Но те, что достаточно подробны, являют собой источник, равного которому нет. Даже подворная перепись, более обстоятельная по части хозяйственных признаков, не может сравниться с раскладочным приговором, поскольку не содержит сведений о плательщиках налога и о голосующих на сходе. Только

²⁸⁵ Свод законов Российской империи: В пяти кн. Под ред. и с примеч. И.Д. Мордухай-Болтовского. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», [1912]. Кн. III. Т. IX. Особое приложение. С. 16.

раскладочный приговор (снабжённый подробным раскладочным перечнем) объединяет данные политические и экономические.

Таким образом, при изучении вопроса о механизме действия крестьянской общины раскладочные приговоры выступают как источник, сочетающий достоинства источников массовых и уникальных. Появление их вызвано одной и той же причиной, и шаблон документа включает ряд одинаковых сведений (число имеющих право голоса, число присутствовавших, основания раскладки), а шаблон явления (выбор оснований раскладки) обуславливает использование признаков из одного набора. Но каждый перечень содержит свои не обязательные «углубления», которые и позволяют нам размышлять над соотношением прав и обязанностей в том или ином случае.

Историки не раз присматривались к приговорам как источнику разнообразных сведений о крестьянской жизни²⁸⁶. Наиболее ценные выводы принадлежат Г.А. Алексейченко, ученику И.Д. Ковальченко. В полном соответствии с источниковедческой теорией, Геннадий Алексеевич пишет о «необходимости комплексного анализа всех групп приговоров», поскольку «системный анализ данных всего приговорного комплекса служит основным средством повышения информативной отдачи источника», причём подчёркиваются «широкие и тесные связи приговоров с другими источниками крестьянского происхождения (жалобами, прошениями и др.)»²⁸⁷. Не ограничиваясь абстрактными суждениями, автор применил свой комплексный метод к изучению выборов старост. Лежащие на поверхности данные из приговоров и жалоб, судя по скупым формулам автореферата диссертации, дополнялись анализом структуры деревни по именованным спискам дворов, получавших ссуды. Вероятно, эти перечни можно считать своего рода аналогом раскладочных перечней. Выходя за рамки собственного исследования, Алексейченко обратил внимание и на то, что «"старшие домохозяева" и "домохозяева, имеющие право голоса", как показывают подсчёты подписей и имён, далеко не идентичные понятия»²⁸⁸ – но не стал

²⁸⁶ Котович Л.В. Приговоры сельских сходов как источник изучения сельских обществ Сибири периода капитализма // Источники по истории освоения Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1989. С. 80–91; Миненко Н.А. Массовая документация крестьянских общин как исторический источник (по материалам Западной Сибири XVIII – первой половины XIX в.) // Массовые источники по истории Сибири: Бахрушинские чтения 1989 г.: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: НГУ, 1989. С. 55–67; Алексейченко Г.А. Приговоры сельских сходов как источник по истории крестьянской общины России второй половины XIX в.: по материалам Тверской губернии. // История СССР. 1981. № 6. С. 116–125.

²⁸⁷ Алексейченко Г.А. Приговоры сельских сходов как источник по истории крестьянской общины второй половины XIX века (По материалам Тверской губернии): Автореф. ... к.и.н. (07.00.09). М., 1988. С. 19–20.

²⁸⁸ Алексейченко Г.А. Приговоры сельских сходов как источник по истории крестьянской общины России второй половины XIX в.: по материалам Тверской губернии. // История СССР. 1981. № 6. С. 120.

вдаваться в подробное изучение этого запутанного вопроса. Таким образом, историческая наука подошла вплотную к изучению механизма сельской власти с опорой на раскладочные приговоры.

Теперь наконец можно начать движение в этом направлении. Всё, что в данной книге сказано о раскладочных приговорах, опирается на изучение коллекции приговоров Томского уезда за начало XX в. Коллекция, хранящаяся в Государственном архиве Томской области, насчитывает более 1700 приговоров, писанных иногда чёткими, а иногда и неразборчивыми почерками волостных писарей. Число документов с достаточно подробными перечнями пока точно не установлено, но ясно, что оно на порядок меньше. Алёна Евгеньевна Панова во время работы над студенческой дипломной работой составила каталог этих приговоров и тем сделала возможным их планомерное, по волостям, изучение.

Составление полной базы данных по всей коллекции ещё впереди, но первые же сотни просмотренных приговоров показывают, что одно из часто используемых крестьянами оснований раскладки – годные работники. Число годных работников – больше, чем число голосующих дворохозяев (указанное в открывающей формуле приговора). Это логично согласуется с трёхъярусным устройством общества.

Но раскладочные перечни позволяют увидеть нечто неожиданное. Изучение раскладочных перечней достаточно подробное, чтобы «заглянуть в лицо» каждому плательщику и уяснить структуру общества – работа кропотливая, трудоёмкая. До сих пор она проделана лишь с отдельными приговорами. Но именно это «изучение под микроскопом» позволяет увидеть те явления, которые неразличимы при поверхностной обработке массовых документов.

Каждый плательщик записан в раскладочном перечне отдельной строкой: так мы узнаём число плательщиков. Это число, как правило, больше, чем число дворохозяев, обладающих правом голоса, но меньше, чем число годных работников. И это в трёхъярусную модель не вписывается.

Четыре яруса крестьянского общества

Выдвинутый тезис требует подтверждения. Возьмём первые попавшиеся раскладочные приговоры из томской подборки. Первый из них – приговор с. Уртама (волостной центр) за 1908 г.²⁸⁹ В приговоре чётко указано число «домохозяев, имеющих право голоса на сходе»: 155 человек. Названо и общее число годных работников: 329. Ни с одним из этих показателей не совпадает число плательщиков – 291²⁹⁰. За каждым плательщиком записана сумма налога, которую он обязан уплатить в течение года.

²⁸⁹ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 193. Л. 437–444.

²⁹⁰ Уточнение: последний номер в списке – 292. Но есть два сбоя: пропущен номер 105; заметив это, писарь поставил два 107-х – значит, для него номер не увязан с определённым человеком и выполняет техническую задачу нумерации данного отдельно взятого списка; пропущен также номер 258, и эта ошибка не исправлена.

Из этих данных уже очевидно, что есть люди, которые налоги платят, а на сходе не голосуют. Их много: $291 - 155 = 136$. Почти столько же, сколько имеющих право голоса на сходе. Принцип соответствия политических прав и экономической ответственности поколеблен.

Попробуем понять, чем различаются плательщики с правом голоса и безгласные плательщики. Предположение о «полугодных работниках» отпадает: 28 «малолетков» 15- и 16-летнего возраста здесь выписаны в отдельный список. Также отдельно учитываются 12 переселенцев («разночинцев», по обычному для Томского уезда выражению) и 17 ссыльнопоселенцев («крестьяне из ссыльных, пользующиеся угодьями»).

Предполагая, что наличие права голоса связано с внутренней структурой общества, попробуем выделить в нём разные группы, исходя из указанных в раскладочном перечне данных. Для каждого из плательщиков показано число: годных работников, десятин посева, голов скота. Бросается в глаза, что 40 плательщиков не имеют за собой ни одного годного работника. Они платят налоги и имеют то или иное хозяйство (либо скот, либо скот + пашня), но не имеют годных работников. Возможные объяснения – это старики, хозяйство которых ведут родственники или батраки, либо женщины при малых детях (женщин в этом списке четыре). Между прочим, из этого подсчёта видно, что все 329 годных работников расписаны на 251 плательщика ($291 - 40 = 251$); превышение составляет 78 человек. Эти 78 – те, кто записан за кем-то (за теми плательщиками, у кого значится 2, 3, 5 годных работников). Про них мы не знаем ничего, даже имён. Очевидно, эти «безымянные работники», хотя и перешагнули 16-летний рубеж (в отличие от малолетков, на них накладывают полный оклад), не играют никакой самостоятельной роли.

Итак, 251 плательщик имеет за собой одного или нескольких годных работников, в т.ч. 64 человека – 2 или более работников. Ни одна из этих цифр не объясняет нам, почему голосуют именно 155 человек, так что продолжим разбор показателей. Знарок пореформенной общины, составитель пяти документальных сборников с крестьянскими приговорами Л.И. Кучумова пишет, что право голоса на сходе ограничивалось для безземельных крестьян²⁹¹. Проверим этот признак. Среди 291 плательщика есть 120 крестьян, за которыми не числится ни одной десятины земли, хотя зачастую числятся лошади, коровы, овцы. Это разные люди. Судя по фамильным кустам, здесь могли бы быть взрослые дети или младшие братья, работающие в хозяйстве «большака» (можно предположить, что из числа «безымянных работников» они выбились, например, за счёт женитьбы). Могли быть старики – те, у кого нет ни одного годного работника. Могли быть батраки или промысловики: многие не имеющие земли не входят (судя по фамилиям) в фамильные кусты; в отсутствие хозяйства какой-то источник заработка им необходим. Широкое использование промысловых заработков

²⁹¹ Кучумова Л.И. Сельская община в России (вторая половина XIX в.). М.: Знание, 1992. С. 34.

логично сочеталось бы со способом раскладки, принятым Уртамским обществом: много кладётся на душу (4,27 руб.) и мало – на хозяйственные признаки (овцы – по 10 коп., лошади и коровы – по 65 коп., десятины пашни – по 50 коп.). Впрочем, такая раскладка может означать и просто преобладание на сходе зажиточных крестьян.

Как бы то ни было, обнаружение безземельных плательщиков нас не спасает. Считаем: $291-120=171$. Это больше, чем число голосующих. Значит, голосуют не только те, за кем записана пашня. Попробуем учесть все признаки неполноценного хозяйства: 1) есть годный работник, но нет хозяйства – 25 человек («плательщики без хозяйства»); 2) есть годный работник, есть скот, но нет земли – 66 крестьян («беспашенные плательщики»); 3) нет годных работников, но есть земля – 11 плательщиков («старики-хозяева»); 4) нет годных работников, нет земли, но есть скот – 29 плательщиков, в т.ч. 4 женщины («безземельные старики и вдовы»). За вычетом всех перечисленных «хозяйственно неполноценных» групп остаётся 160 плательщиков, имеющих одного или более годных работников и землю. Это близко к числу имеющих право голоса (155), но всё-таки полного соответствия нет.

Возможно, вычисления с точностью до единицы на основе приговоров не обязательны. Перечисляя основания раскладки, Уртамский сход устанавливает: «на годных работников с добровольно согласившихся платить 329 чел». Вообще-то «годный работник» – понятие, строго зависящее от возраста, добровольность здесь ни при чём. По-видимому, приведённое выражение намекает на то, что некоторые старики, кто по возрасту уже мог бы и выйти из числа годных работников, всё же изъявили желание участвовать в платежах. Вот пример того, как система объективных показателей дополняется субъективными составляющими, не указанными явно.

Как бы то ни было, анализ только хозяйственной структуры не позволяет точно установить основание, по которому часть плательщиков отодвинута от голосования. Однако ясно, что трёхъярусная система неточна. Помимо иждивенцев, голосующих дворохозяев и зависимых работников, существует группа тех, кто ответственность по налогам несёт (в отличие от зависимых работников), но не голосует. Получается четырёхъярусная система.

Семейная структура и хозяйственные признаки

Остаётся вопрос: в чём разница между 2-м и 1-м ярусом этой системы, между 2-м и 3-м? Дополнительные сведения к размышлению над этим вопросом нам дадут другие раскладочные приговоры. Возьмём Приговор Батуринского схода от 14 марта 1904 года о раскладке казённых, мирских, ямских и церковно-приходских сборов²⁹².

Перечень плательщиков здесь разбит на две группы: «Крестьяне деревни Батуриной и др. селений Уртамской волости» (№ 1–173) и «Разночинцы,

²⁹² ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 175. Л. 189–202.

проживающие среди Батуринаского сельского общества и занимающиеся земледелием» (№ 174–211). Для «разночинцев», в отличие от большинства, не показаны никакие хозяйственные показатели, а только сумма в рублях, у каждого – своя, без обоснования. Однако в приговоре сказано, что «по примеру прошлого года и в виду значительно возросших» налогов часть суммы решили «разложить на лиц, не принадлежащих к составу нашего общества, но проживающих в оном издавна и пользующихся нашими земельными угодьями, сообразно с экономическим и семейным положением каждого». Ясно, что речь идёт о непричисленных переселенцах. Таким образом, мы можем быть уверены, что в основном списке переселенцев нет. Обратимся к его разбору.

Итак, число плательщиков, членов общества – 173, имеющих голос на сходе – 93. Число плательщиков, не имеющих годных работников – 46, имеющих по одному работнику – 127²⁹³, больше одного годного работника ни за кем не записано.

Батуринаская таблица содержит полезную графу, которой не было в уртамском приговоре. После вычисления итога платежей «по плательщику» в следующей колонке подводится ещё итог «по семейству», причём в некоторых случаях используется объединяющая скобка. Например, Байгуловым в графе «по плательщику» начислено: Сергею Михайловичу (30 лет, годный работник, есть пашня, покос и скот) – 18,25 руб., Адриану Михайловичу (26 лет, годный работник, есть покос) – 9,62 р., Алексею Михайловичу (16 лет, нет годных работников, есть покос) – 9,62 р. Все трое объединяются скобкой, и в графе «по семейству» указано только одно число: 37,49 руб. В других случаях «семейство» занимает лишь одну строку и целиком завязано на одного человека из списка. У всех «семейств», объединённых под скобками, есть общая черта: хозяйство записывается только за одним представителем «семейства». У прочих нет не только пашни, но и скота. Всего «семейств» в основном (не считая переселенцев) перечне указано 125 (включая сюда как семейства из нескольких плательщиков под одной скобкой, так и плательщиков-одиночек).

Пашня явно не является признаком домохозяйства: лишь 68 плательщиков из списка числят за собой пахотные десятины. Но скот есть, как правило, даже в «семействах» без годных работников. Исключение из этого правила составляют 19 плательщиков, записанные отдельными семьями, но не имеющие никакого хозяйства²⁹⁴. В каких-то случаях, возможно, писарь забыл поставить скобку: так, Иона Андреевич Вторушин (№ 24, 18 лет, годный работник), по всей видимости, живёт вместе с отцом Андреем Егоровичем Вторушиным (№ 23, 56 лет), который уже не является годным работником, но зато у него есть корова. С другой стороны, есть люди, не имеющие в списке

²⁹³ В строке «Итого» годных работников показано 133, но это противоречит постраничным записям.

²⁹⁴ № 14, 19, 20, 21, 22, 24, 29, 30, 34, 48, 120, 121, 129, 136, 137, 158, 164, 170, 172.

однофамильцев (№ 14, Николай Александрович Борзов). Можно предположить, что Борзов и подобные ему – батраки, не имеющие своего хозяйства, и возможно, даже живущие в доме нанимателя. Однако даже если исключить из числа домохозяев всех 19 человек, остаётся 106 глав «семейств», у которых есть какое-никакое хозяйство. Очевидно, их надо считать домохозяевами. Значит, около 10 % батуриных домохозяев на сходе не голосуют.

Батуринский приговор подтверждает вывод о четырёхъярусном устройстве крестьянского общества и усиливает его (более значительна разница между числом голосующих и числом домохозяев), а также даёт некоторые факты для размышления о причинах отстранения части домохозяев от голосования. Видно, что наличие пашни, как минимум, не является единственным условием для получения права голоса на сходе (число голосов на сходе на треть превосходит число земельных наделов). Обладание же домохозяйством (судя по наличию скота) не является достаточным условием: 12 % домохозяев на сходе не голосует.

Крестьянские подписи: верить или не верить

Этот вывод можно было бы существенно уточнить, если отдельно разобрать подписи к приговорам. По Батуринскому обществу за 1904 год у нас их есть даже два, с разницей в несколько месяцев (основной набор налогов + ямской сбор). Каждый приговор заключается стандартной (хотя и с вариациями) формулой: «в чём и подписуемся», и далее – перечень имён всех, кто был на сходе. Явка на сходы, как правило, далека от 100 %, так что подписи не дают полного перечня голосующих. Но и те, что есть, дают любопытный результат.

Прежде всего, среди подписавших приговор оказывается довольно много плательщиков без пашни. Тех из них, кто записан в составе семейных гнёзд (под скобкой), мы не будем учитывать: они могли выступать не как полноценные участники, а как представители своих хозяйств (в условиях, когда старший занят или болен). Но есть люди, которые точно представителями полноценных хозяйств выступить не могли. Семеро плательщиков не имеют пашни, хотя имеют скот:

№ 25. Вторушин Иван Андреевич, 29 лет, с ним рядом записаны, но не объединены скобкой его (судя по именам и по возрасту) брат и отец, также не имеющие пашни; других Вторушиных в деревне нет.

№ 28. Гостевский Иван Назарович, 27 лет, один из трёх братьев (не самый старший; других Гостевских в деревне нет).

№ 32. Ебреев Муларран, 29 лет (объединён скобкой с Ебреевым Девлетом 16-ти лет, пашни у того тоже нет, и других однофамильцев нет).

№ 108. Милютин Илья Яковлевич, 41 год (однофамильцев нет).

№ 135. Сермягин Василий Андреевич, 26 лет (однофамильцев нет)

№ 151. Трубачев Алексей Никитич, 47 лет (записан, судя по имени и возрасту, под скобкой с сыном, у которого пашни тоже нет; других однофамильцев нет).

№ 171. Шубин Парфён Митрофанович, 60 лет (у этого нет даже годных работников, и нет однофамильцев).

Наконец, № 34, Егоров Яков Филиппович (39 лет, однофамильцев нет) не имеет ни пашни, ни скота, но тоже указан в перечне подписавших приговор.

При таком раскладе наш предыдущий вывод усугубляется: собственное хозяйство не только не является достаточным, но даже не является обязательным для получения права голоса на сходе. Это заключение не противоречит Уртамскому перечню, где тоже иной раз голосуют безземельные (хотя и имеющие однофамильцев, т.е., возможно, выступающие представителями хозяйств),

Однако сам способ доказательства по подписям ставится под сомнение приговором Дубровинского сельского схода Ояшинской волости от 10 марта 1907²⁹⁵. Для начала – общее описание раскладки. Раскладывают оброчную подать и земский сбор. На сходе были «от 112 человек, в числе 75 имеющих право голоса на сходе». Разложили «на 163 души, смотря по состоянию каждого плательщика и соображаясь с льготами». В перечне плательщиков – 175 номеров. Иногда вписываются даже не являющиеся годными работниками (старики при взрослых детях или юноши при родителях), которым и оклада-то не назначают: только фамилия, имя, отчество и возраст. Очевидно, что с точки зрения раскладки как таковой писать их бессмысленно, и запись продиктована стремлением более точно отразить состав семейств.

Для некоторых соседних имён оклад записан по отдельности, а хозяйственные признаки – общие (после скобки). Число платёжных единиц с учётом объединяющих скобок – 140. Посев, будь то яровой или озимый (они показаны по отдельности), присутствует в виде исключения – у 37 плательщиков. Для каждого плательщика аккуратно заполнена графа «ремесло, служба и другие роды занятий», причём у большинства это – «чернорабочий», лишь изредка попадает «хлебопашество».

В целом реестр этот менее толково составлен, чем предыдущие. Но видно уже знакомое нам расхождение чисел: годные работники (163) – платёжные единицы (140) – голосующие на сходе (112). Перечень подписей даёт необычный результат: в числе голосующих иногда оказываются сразу оба записанных под одной скобкой: № 25 и 26 – Грязины: Василий Александрович (58 лет) и Алексей Васильевич (29 лет); № 50 и 51 – Козловы: Калистрат Никанорович (58 лет) и Семён Калистратович (26 лет); № 60, 61, 62 – Компанченко: Никон (52 года), Антон Никонович (23), Сергей Никонович (24 года); № 64 и 65 – Леонтьевы: Роман Николаевич (38 лет) и Пётр Романович (18 лет); № 73 и 74 – Москвины: Михаил Семёнович (23) и Павел Семёнович (20 лет); № 99, 100, 101 – Поморцевы: Фёдор Иванович (60 лет),

²⁹⁵ ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 215. Л. 106–114 об.

Иван Фёдорович (22), Павел Фёдорович (22 года); № 119, 120 – Пановы: Василий Гаврилович (19) и Михаил Гаврилович (30). Казалось бы, раз они представляют одно семейство, одно дворохозяйство, то и голосовать должен один человек. То, что мы видим в дубровинском перечне, ставит эту мысль под сомнение.

Однако в конце списка подписей нас ожидает новая неожиданность: выстроенный в алфавитном порядке список завершается на букве «Р». На 127 первых номеров списка приходится 74 голосующих: больше, чем каждый второй. Последний подписант приходится на 12 человек, фамилии которых начинаются с буквы «Р». Среди последних 36 плательщиков с фамилиями от С до Я – ни одной подписи. При этом число 75 как раз составляет минимум, необходимый при кворуме в 2/3 от 112 участников, имеющих право голоса. Это сочетание фактов имеет только одно логичное объяснение: в качестве присутствующих староста и писарь записали случайных людей, идя по списку плательщиков. Чтобы соблюсти правдоподобие, надо было часть фамилий пропускать, и писарь это делал, но рассчитал неточно, и необходимые фамилии были набраны раньше, чем кончился список. Но утруждать себя выписыванием лишних фамилий, лишь бы только соблюсти правдоподобие, писарь не хотел, да и число «присутствующих» уже в начале приговора было указано, не исправлять же документ. Поэтому писарь и остановился на букве «Р». Следовательно, этот приговор не позволяет узнать не только, кто именно присутствовал на сходе, но даже – сколько было участников схода. «Открытие» о возможности голосования для обоих людей «под скобкой» не действует.

Хуже того, этот случай ставит под сомнение возможность доверять подписям под всеми вообще приговорами. Правда, в других случаях подписи распределяются более равномерно, но нельзя исключить, что речь идёт просто о более аккуратной фальсификации.

С другой стороны, не часто, но регулярно встречаются приговоры с удивительной, на первый взгляд, особенностью: в стандартной открывающей формуле не указано число присутствовавших на сходе, но указано, что это составляет не менее 2/3 всего состава правомочных участников. Возьмём пример (сохранены знаки препинания, точнее – их отсутствие): «1908 года 23 марта мы нижеподписавшиеся крестьяне Томской губернии и уезда Ново-Кусковской волости Ломовицкого сельского общества от состоящих в нашем обществе 65 домохозяев куда явилось человек что и составляет 2/3 голосов нашего схода, где нам было прочитано предписание...» (и так далее)²⁹⁶. Ясно, что между «явилось» и человек» пропущено число (в некоторых случаях под него оставлено пустое место в строке). Объяснение может быть только одно: его просто забыли вписать. Чтобы не тратить время схода, писарь заранее заготовил открывающую формулу (до слова «постановили», или «приговорили»). Число 2/3 (часто пишут более близко к формуле закона – «не

²⁹⁶ ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 195. Л. 573.

менее 2/3») тоже было известно заранее: если бы собралось меньше 2/3, сход просто был бы неправомочен; приговор, в котором не записано о наличии 2/3, не имел бы законной силы²⁹⁷. Из всей открывающей формулы не было известно заранее только число присутствующих на сходе, и в этом месте писарь сделал пропуск. Но такое имеет смысл только в одном случае: он собирался указать действительное число пришедших. Пропущенное число пришедших – несомненное доказательство подлинности этого числа во многих случаях.

Впрочем, это не обязательно означает достоверность подписей. Указав правильное число пришедших, писарь мог затем имена переписать из перечня плательщиков: всё равно крестьяне в большинстве своём были неграмотны и сами не расписывались. «А за них неграмотных по их личной просьбе и за себя расписался...» – такова, с вариациями, обычная формула заключительной части документа.

Сухой остаток рассуждений о подписях состоит в том, что подписи к приговорам нельзя считать обязательно ложными, но и основывать на них выводы без веских доводов в пользу подлинности данного приговора было бы неосторожно.

Отстающая перестройка

Таким образом, если говорить о достоверных выводах, мы возвращаемся к тому, о чём говорилось раньше: рассмотрение раскладочных приговоров доказывает, что по отношению к налогам в системе крестьянской демократии выделяются не три, а четыре уровня: иждивенцы (не учитываются никак), годные работники (учитываемые в качестве показателя платёжеспособности), рядовые плательщики (не голосующие), плательщики с правом голоса на сходе. При этом предоставление плательщикам права голоса не определяется исключительно ни наличием отдельного домохозяйства, определяемого по наличию скота (не всякий домохозяин имеет право голоса), ни наличием пашни (может голосовать и не имеющий пашни). Эту систему мы видим как в эпоху круговой поруки (Батурина, 1904 г.), так и после (Уртам, 1908 г.).

Можно предположить, что такая неясная система связана с постепенностью приобретения молодыми крестьянами «политических» прав, а также с использованием разных показателей влиятельности человека. Часть их может быть не связана с хозяйством (например: наличие жены), для выявления таких показателей полезно привлечение более широкого круга приговоров. Другие и вовсе могут не поддаваться формализации (например, отношения с живущим отдельно отцом, бывшим «большаком»). Последнее предположение кажется вероятным с учётом той субъективности в привлечении крестьян к голосованию на сходе, которую отмечает Л.И. Кучумова. Кратко подытоживая в популярном очерке свою многолетнюю работу с крестьянскими

²⁹⁷ Изредка такие составлялись, но только по неведению; в данном случае писарь был грамотный.

приговорами, она говорит о местных различиях в решении вопроса о праве голоса у женщин. Отмечает случаи переменного статуса: вопрос о голосовании безземельных общинников «решался в каждом конкретном случае». Отмечает возрастную дискриминацию: «главы молодых семей, которые поначалу получали от мира половину положенного надела (ввиду недостатка земли в общине), по существу теряли право голоса, и это положение было отступлением от законодательства»²⁹⁸. Одним словом, определение имеющих право голоса было слишком важным вопросом, чтобы действовать строго по инструкции. Жизнь вообще, а тем более – жизнь в начале XX в. была слишком разнообразной, чтобы увязывать право голоса с одним или даже двумя жёстко заданными показателями.

Как бы ни объяснять подробности устройства 4-ярусной системы, ясно, что её значение должно было существенно измениться в начале века. Если ответственность только за налоги не считалась достаточной для получения права голоса на сходе, то это можно было считать логичным для XIX века. В случае провала одного с уплатой налогов ему – по круговой поруке – были обязаны помочь все.

Но введение единоличной ответственности по налоговым платежам существенно повысило роль именно «безгласных плательщиков». Обеспечивая выполнение общиной едва ли не самой тяжкой задачи общества, каждый плательщик только сам теперь отвечает за уплату определённой ему суммы, только своим имуществом рискует в случае недоимки.

У «безгласных плательщиков» появилась новая, существенно важная для их общины, обязанность. Однако расширение обязанностей не сочеталось с расширением прав: на сходе их голоса по-прежнему не учитывались. Следовательно, отмена круговой поруки создала противоречие между допуском к правам и распределением обязанностей. Возникла объективная предпосылка для расширения круга участников системы крестьянского самоуправления, для уменьшения её элитарности и увеличения её демократизма.

В свою очередь, отмена круговой поруки и требование единоличного учёта облагаемой базы крестьян были обусловлены уже очевидным расслоением крестьян в частности и плательщиков вообще. Для руководителей Минфина было ясно, что увеличение налогов должно происходить не равномерно, а за счёт богатых слоёв общества, вот почему так настойчиво ставился в начале XX в. вопрос о подоходном налоге. Взаимное влияние материального прогресса и политического развития в случае с общиной оказалось опосредовано государственным регулированием.

²⁹⁸ Кучумова Л.И. Сельская община в России (вторая половина XIX в.). М.: Знание, 1992. С. 32–35.